

ЗА КУЛИСАМИ ВЫСОКОЙ ДИПЛОМАТИИ:

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ В ИРАНЕ В 1939-1941 ГГ.

Доступ к ранее закрытым архивным фондам и публикации новых томов «Документов внешней политики» позволяют по новому взглянуть на различные аспекты истории советско-иранских отношений на начальном этапе Второй мировой войны. В свете новых публикаций представляется интересным рассмотреть одну из граней сложных и противоречивых взаимоотношений Ирана и СССР, которая обычно остается за рамками академического исследования, - отношение иранских властей к советским представительствам на территории Ирана.

За фасадом красивых речей и заверений в искренности дружественного иранского отношения к СССР скрывалось небеспопеченное недоверие Реза-шаха к советским представительством в Иране в частности и к советской внешней политике в целом. Заявления СССР о добрососедстве не могли подкупить шаха, который прекрасно помнил события в Гиляне и думается осознал, что цели советской внешней политики в отношении Ирана не сильно изменились с 1920-х гг. Подозрительность шаха в отношении советских торговых организаций на территории Ирана и дипломатических представительств была оправданной. В это время были уже известны факты деятельности советских спецслужб на территории Ирана, приведенные в книге Л.С.Агабекова, бывшего руководителя советской разведывательной сети в Иране, бежавшего на Запад. У шаха не было никаких сомнений относительно истинного предназначения этих советских учреждений, которые, как отмечает М.И.Володарский, помимо своих основных функций выполняли не совсем свойственные им обязанности, о чем свидетельствовал тот факт, что многие их сотрудники при всем желании не могли скрыть своей военной выправки³⁰⁰. В.Шин, представитель США, посетивший Иран в 1927г., характеризуя степень советского влияния писал в своих заметках: «В Персии Советский Союз оказывает влияние на пространство, которое не могло бы быть правдоподобным в Западной Европе или Америке. Русские агенты повсюду, русские деньги оплачивают самый нелепый набор политических движений, народных потрясений, династических переворотов и агитаций среди племен. Большая часть урожая восстаний, которая пожинается вследствие захвата Реза-шахом имперской власти, имеет, конечно, естественные истоки, но в некоторых случаях, особенно тех, которые имеют место на севере, в Гиляне и Мазендеране и на северо-востоке, в направлении Туркестана, русское влияние настолько очевидно, что было бы глупо его игнорировать»³⁰¹. Понятной в этом смысле становится и нервозность иранского МИДа, не раз ставившего вопрос о закрытии торгового представительства в Тегеране, справедливо указывая на отсутствие торговых отношений с СССР в связи с прекращением торгового договора в 1938г. (новый советско-иранский договор о торговле и мореплавании был подписан только в марте 1940г.). Довольно часто советской стороне приходилось просто «выбивать» визы сотрудникам торгпредства и командированным в Иран советским работникам, так как иранская сторона задерживала выдачу вплоть до шести месяцев.

Подозрительность иранских властей распространялась не только на советских торговых представителей, но и на иранцев так или иначе, связанных с советскими организациями. В одном из своих выступлений Реза-шах озвучил свое отношение к связям иранцев с иностранцами: «...Дружеские связи с

сотрудниками иностранных посольств есть своего рода измена. В государстве существует Министерство иностранных дел, и через его представителей можно поддерживать необходимые связи...»³⁰². Наверное подобная подозрительность не была неоправданной: в последнее время появляется все больше свидетельств активной деятельности советских спецорганов в Иране, проводящих в том числе и вербовку граждан. И даже, несмотря на волну репрессий конца 1930-х гг., которая задела не только дипломатов, но и многих резидентов, в том числе и в

³⁰⁰ Володарский М.И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. (1917-1933). Л., 1985. С.137

³⁰¹ Lenczowski G. Russia and the West in Iran, 1918-1948. A study in Big-Power rivalry. Greenwood press, publishers. Westport, Connecticut. 1968. С.114.

³⁰² Крахмалов С. Записки военного атташе. Иран – Египет – Иран – Афганистан. М., 2000. С.36.

Иране, советская разведка, как отмечает Л.П.Костромин, успешно содействовала осуществлению внешней политики в странах Среднего Востока и укреплению позиций СССР в Турции, Иране и Афганистане³⁰³. Автор, может быть и не желая того, воспевав хвалу деятельности советской разведки в Иране, косвенно подтверждает, что опасения Реза-шаха на счет СССР были не напрасными. Интерес в этом плане представляют свидетельства героя СССР Г.А.Вартаняна, который в указанные годы был совсем юным, но под его руководством уже находилась небольшая группа молодежи. Примечательно, что его отец, уважаемый в Иране коммерсант со связями (владелец кондитерской фабрики, известной на весь Иран своими сладостями), был тоже тесно связан с советской внешней разведкой, помогая нелегалам и добывая для них поддельные документы. Воспоминания Г.А.Вартаняна вошли в книгу Н.Долгополова, посвященную некоторым советским разведчикам³⁰⁴. По этим воспоминаниям был снят и документальный фильм, не так давно, в сентябре 2007г., показанный одним из российских телеканалов. Тем не менее, естественно, что многие факты по-прежнему остаются тайной за семью печатями. По признанию Н.Долгополова многие сюжеты не вошли в книгу по просьбе самого Г.А.Вартаняна, полагающего, что для многих откровений время еще не пришло.

К 1939г. на территории Ирана оставалось фактически только дипломатическое представительство в Тегеране и генконсульство в Пехлеви, в отношении которого можно отметить довольно интересный факт: 12 августа 1939г. посольство СССР обратилось в МИД Ирана с заявлением, в котором говорилось: «... по полученным сведениям, автомобили, принадлежащие иностранным консульствам в Тавризе, имеют красные бляхи. Между тем Министерство иностранных дел отказало в выдаче красной бляхи для автомобиля Генерального консульства СССР в Пехлеви, ссылаясь при этом на то, что для консульских автомобилей иранскими властями установлены белые бляхи. Посольство вынуждено обратить внимание Министерства на то, что отказ выдачи красной бляхи автомобилю Генерального консульства в Пехлеви, при сохранении красных блях для автомобилей других консульств, создает для СССР неравное положение и просит о замене белого номера автомобиля Генерального консульства красным»³⁰⁵. Думается, иранские власти как раз и хотели *создать неравное положение*, обозначив машины советских представителей в Иране отличными от других машин номерами. Можно предположить, что это облегчало работу иранских органов, следящих за передвижениями советских представителей на территории Ирана. В ответ на эту просьбу советских дипломатов, иранский МИД с невозмутимостью льва довел до сведения посольства СССР, что «...согласно сообщения тавризской полиции автомобили консульских представителей имеют номер на белом фоне»³⁰⁶. Заявление было окончательным и дальнейшему обсуждению не подлежало. Белыми номера продолжали оставаться и после заключенных с СССР договоров.

Неприятие иранскими властями советских граждан на территории Ирана, естественно находило отклик не только в докладах советских полпредов в Москву, но и в нотах полпредства в МИД Ирана. В своем письме наркому иностранных дел М.М.Литвинову временный поверенный в делах СССР в Иране И.А.Карташев 21 января 1939г. указал на ряд недопустимых мер, предпринимаемых местными властями в отношении советских граждан: «...Полиция сделала попытки ухудшить условия пребывания в Иране наших инженеров, строящих в Тегеране и в провинции элеваторы. Усилились полицейские придирки при выдаче видов на жительство, джавазов на выезд. Имели место задержки в пути инженеров Экспортстроя, учинение им без всякого повода и основания полицейских допросов, вынуждения подписок о поддержании контактов с полицией (мне сообщили об одном таком случае)... В Тегеране полиция еще стесняется безобразничать, а в провинции мы такой произвол терпеть не можем... При всем этом при каждом моем посещении Бадера, Ааляма и помощника мининдел Амери...я выслушиваю декларации о дружбе, о стремлении развивать отношения, особенно в области торговли, и много разных приятных слов... На мои возражения, что в этих декларациях концы не сведены с концами и что нельзя одной рукой улучшать отношения, а другой их разрушать, Аалям не устает успокаивать меня, что не надо «смешивать» твердого желания иранского правительства улуч-

³⁰³ Костромин Л.П. Борьба разведки за безопасность СССР в странах Среднего и Ближнего Востока /Очерки истории российской внешней разведки. Т.3. М., 1997. С.207.

³⁰⁴ Долгополов Н. С ними можно идти в разведку. М., 2002.

³⁰⁵ Архив внешней политики РФ, Ф.94, Оп.21, П.83, Д.3, Л.179.

³⁰⁶ Там же, Оп.23, П.64, Д.12, Л. 179.

шить отношения с СССР с некоторыми полицейскими мероприятиями. В прошлом своем письме я отмечал, что антирусская кампания последних дней связана со стремлением рассчитаться за трудности, вызванные прекращением нашей торговли с Ираном, и за высылки иранцев из СССР. Развивая эту мысль, надо сказать, что отсутствие торговли, высылки иранцев были скорее использованы для оправдания полицейских мероприятий. В действительности же мы имеем дело не с временной кампанией, а, как это становится все яснее, с курсом внутренней политики, проводимой по указке шаха. Старая, шах становится все более подозрительным и главную опасность для себя и для своей династии видит в культурном и политическом влиянии СССР. Против этой опасности и направляется острое полицейских мероприятий»³⁰⁷. Реза-шах был готов на многое, чтобы не допустить проникновения «красной заразы». Собственные коммунисты были вычеркнуты им из «национальной семьи Ирана» еще в конце 1920-х гг., когда иранская коммунистическая партия была разгромлена, а оставшиеся коммунисты были вынуждены уйти в глубокое подполье. Как отмечает М.И.Володарский, для Реза-шаха иранские коммунисты были не иранцами, а предателями, служащими чужим интересам³⁰⁸. По словам Дж.Ленцовского, после прихода Реза-шаха к власти советские теоретики коммунизма рассматривали его как в качестве представителя национально-либерального движения антиимпериалистической окраски, однако это благожелательное отношение не убедило Реза-шаха ответить взаимностью коммунизму. Напротив, во время его правления против коммунистов и даже против левых либералов, которые в понимании Реза-шаха представляли подрывные группы, опасные для целостности Ирана, предпринимались активные меры³⁰⁹. Как бы плохо ни складывались отношения Ирана с Западом, отношения с Москвой были для шаха значительно более серьезной проблемой³¹⁰.

Даже после заключения советско-германского договора 23 августа 1939г. и видимого улучшения советско-иранских отношений, заключения нового торгового договора 25 марта 1940г., ситуация мало изменилась. В частности, заместитель наркома иностранных дел С.А.Лозовский в беседе с послом Ирана в Москве Мохамедом Саедом 19 октября 1940г. привел ряд примеров недопустимых действий в отношении советских граждан в Иране, заявил, что подобные факты «убеждают нас в том, что иранское правительство не только не противодействует, но, по-видимому, даже поощряет подобного рода действия... Что касается заверений посла относительно искренней дружбы, которую иранское правительство питает к СССР, - сказал С.А.Лозовский, - то об этом мы будем судить прежде всего по реальным делам и действительным фактам, а не по словам»³¹¹.

Иранское правительство, заверяющее Москву в искренности намерений и дружественном отношении, на деле мало что делало для того, чтобы исключить так раздражающие Москву неприятные моменты. В беседе с генеральным директором МИД Ирана Хамидом Сейяхом 2 февраля 1941г. полпред СССР в Иране М.Е.Филимонов указывал на недопустимость отдельных случаев в отношении советских представителей на территории Ирана: «...повторив случаи, имевшие место с шофером т.Козыриным [имеется ввиду инцидент с шофером торгпредства С.И. Козыриным 26 сентября 1940г., когда машина, принадлежащая торгпредству СССР была остановлена с требованием уплаты налога, когда же выяснилось, что остановленная машина принадлежит торгпредству, шофера ударили, разбив губу – Т.Т.³¹²],женой вице-консула в Пехлеви [имеется ввиду случай, когда женщину ударил хлыстом, проезжавший мимо водовоз – Т.Т.] и др., я обратил внимание Сейяха, что все это в Иране в основном делается безнаказанно и этим самым создается повод для возможных в последующем преступлений должностных иранских лиц в отношении советских граждан. Сейях, сославшись на свою неосведомленность об указанных мною случаях, сказал, что он вообще не понимает, почему это имело место с советскими гражданами. Перед его поездкой в Москву шах дал категорический и безапелляционный приказ исключительно бдительно охранять полпреда и других ответственных наших работни-

³⁰⁷ Документы внешней политики:1939. Т.22, Кн.1. М., 1992. С.75

³⁰⁸ Володарский М.И. С.146

³⁰⁹ Lenczovski G. Russia and the West in Iran... С.105

³¹⁰ Ramazani R.K. The foreign policy of Iran. A developing nation in world affairs, 1500-1941. Charlottesville, 1966. С.223

³¹¹ Севостьянов П.П. Перед великим испытанием: внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. М., 1981. С.252-253

³¹² АВП РФ, Ф.94, Оп.22, П.87, Д.3, Л.68.

ков. Это знает министерство внутренних дел и вся иранская полиция. В предположительном смысле Сейях сказал, что представители иранских властей, замешанные в вышеупомянутых мной фактах, вероятно, просто не были осведомлены о приказе шаха»³¹³. Подобное предположение Х.Сейяха смехотворно: наивно предполагать, что иранские чиновники и госслужащие своевременно не информировались о каких-либо новых приказах, указаниях Реза-шаха. Другое дело, что Х.Сейях конечно должен был как-то реабилитировать действия иранских властей в отношении советских граждан.

Неприятным сюрпризом для Москвы оказалась и церемония вручения верительных грамот новым полпредом СССР в Иране М.Е.Филимоновым. Дело в том, что новый полпред приехал в Тегеран 15 сентября 1940г.³¹⁴ и согласно международной традиции в самое ближайшее время должен был вручить верительные грамоты и произнести торжественную речь. Оттяжка этой церемонии рассматривается в международной практике как акт невнимания, малодружелюбного отношения к аккредитовавшему представителя правительству или самому представителю. Аудиенция для вручения верительных грамот Реза-шаху была назначена на 27 сентября, т.е. почти через две недели после приезда М.Е.Филимонова в Иран³¹⁵. Для сравнения, М.Саед, посол Ирана в СССР, прибыл в Москву 21 апреля 1938г., верительные грамоты он вручил в тот же день. Речь, которую должен был зачитать М.Е.Филимонов, долго готовилась, исправлялась, но так и осталась на бумаге, новому полпреду не удалось зачитать так тщательно подготовившийся документ, так как МИД Ирана отказал в этом, сославшись на то, что подобная церемония не предусмотрена в иранской практике. Советские дипломаты после отказа даже запрашивали Москву уточнить отсутствие такой международной практики в Иране.

Примечательна фраза, написанная М.Е.Филимоновым в отчете о беседе с Х.Сейяхом от 2 февраля 1941г.: «Хотя и несколько необычно для ответственных иранских чиновников сдерживать свое слово и посещать полпредство, Сейях 2 февраля, позвонив из МИДа, просил принять его на чашку чая, при этом он обещал дать мне ответы по поставленным мной перед ним вопросам «Иранрыбы» и реализации советской литературы в Иране....»³¹⁶ Подобное отношение иранской стороны можно рассматривать, пожалуй, с двух сторон: либо как ставшую притчей во языцех практику иранцев не выполнять обещания, либо как стремление иранских чиновников по возможности минимизировать контакты с советскими представителями и решать с советской стороной только важные для себя вопросы.

Секретари советского полпредства неоднократно обращали внимание директора Протокольного департамента МИД Ирана Форрухара и его заместителя Момтаза на вопрос благоустройства прилегающего к советскому полпредству участка улицы. Однако несмотря на то, что этот вопрос стал предметом нотной переписки еще осенью 1938г., к лету 1940г., т.е. после подписания советско-иранского торгового договора, ситуация не изменилась, о чем свидетельствует памятная записка советского полпредства в Протокольный департамент МИД Ирана от 1 августа 1940г.: «... Полномочное Представительство выражает надежду, что Протокольный Департамент выскажет свое полное согласие с предложениями Полномочного Представительства по благоустройству участка улицы, прилегающей к владению Полномочного Представительства, и побудит соответствующие иранские органы произвести следующее:

- а) устранить биржу извозчиков около главного входа;
- б) ликвидировать уборную на углу улиц Насер Хосров и Фирдоуси, обращенную к главному входу в Полномочное Представительство, т.к. она вместе с грязью, вычищаемой из нецементированных арыков, протекающих вблизи, не только заражает воздух зловонием, но является рассадником инфекции;
- в) принять меры к недопущению ночлега неизвестных лиц в нишах стен, окружающих владение и оградить Полномочное Представительство от порчи стен различными надписями;
- г) расширить мостик при въезде с ул.Фирдоуси на ул.Насер Хосров;
- д) привести в порядок тротуар, идущий вдоль стены владения на ул.Насер Хосров, оставленный в хаотичном состоянии после ремонта подземного кабеля;

³¹³ ДВП. Т.23. Кн.2. Ч.1. М., 1998. С.380-381.

³¹⁴ АВП РФ, Ф.94, Оп.21, П.83, Д.3, Л.131.

³¹⁵ Там же, Оп.23, П.64, Д. 12, Л.171.

³¹⁶ ДВП. Т.23. Кн.2. Ч.1. М., 1998. С.379.

ж) привести в порядок арыки, протекающие вблизи главного входа;
з) заасфальтировать участок ул. Насер Хосров, ведущий к главному входу и небольшие участки по обе стороны главного входа, т.к. мостовая в этих местах пришла в полную негодность»³¹⁷.

Вырисовывается весьма «живописная» картина месторасположения советского полпредства.

Если отвлечься от официальных переговоров, лоска конференций, различных совместных предприятий и проанализировать отношение иранских чиновников, госслужащих, а, следовательно, и шаха, без воли или с молчаливого согласия которого ничего в Иране не делалось, к советским представительствам на территории Ирана, то довольно четко проявится отличное от официального отношение. На словах иранские представители рассыпались в заверениях дружественного отношения к СССР, на практике же доминировало небеспочвенное подозрение в отношении целей советской политики в Иране, временами выливавшееся в плохо скрываемую неприязнь.

И.В. Конева

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НГО ДИНЬ ДЬЕМА

Личность Нго Динь Дьема является выдающейся в истории Южного Вьетнама XX в. не только потому, что его род – один из древнейших во Вьетнаме. С его именем связан период, предшествовавший вьетнамской войне, когда США постепенно, шаг за шагом, оказались вовлечены в один из самых тяжелых и затяжных конфликтов в Юго-Восточной Азии и в итоге потерпели унизительное поражение. На территории южной части Вьетнама в 1955 – 1975 гг. существовала Республика Вьетнам. Период президентства Нго Динь Дьема принято считать 1-ой Республикой (1955-1963). На пути к власти огромную поддержку Дьему оказали США и Ватикан. Все южновьетнамские режимы с 1945 по 1975 гг. были марионеточными и проводимая политика определялась внешними силами.

Нго Динь Дьем родился в Хюэ 3 января 1901 г., учился в частной католической школе. Благодаря связям своего отца Нго Динь Кха (который был министром при императоре Тхань Тхаи) Дьему за короткий период времени удалось быстро продвинуться по службе: от начальника небольшого уезда до губернатора провинции. В 32 года Дьем занимал один из важных постов при дворе – министра по делам гражданских чиновников³¹⁸.

Политическая обстановка во Вьетнаме в конце 1940-х гг. была неблагоприятной для движения Дьема. Поэтому, чтобы добиться власти, Дьем решил опереться на внешнюю силу – США. После поражения французов в Индокитае, администрация Эйзенхауэра начала поиски кандидата на пост главы марионеточного правительства в Сайгоне. Заняться этим было поручено полковнику ЦРУ Эдварду Лэнсдейлу.

В 1950 г. Дьем совершает поездку в Ватикан. Благодаря посредничеству его старшего брата, епископа Нго Динь Тхука, Дьем познакомился с кардиналом Спеллманом. В начале 1951 г. Дьем был приглашен в США на должность «консультанта» в одну из исследовательских групп Мичиганского университета. Решающее значение имела встреча Дьема с одним из высших офицеров ЦРУ, Уэслей Фишлом. Все эти связи необходимы были для того, чтобы заручиться поддержкой США. В Нью-Йорке он был представлен сенатору Майку Мэнсфилду и Джону Кеннеди³¹⁹.

Поначалу в Вашингтоне сомневались, что Дьем был подходящей кандидатурой. Он был католиком, а во Вьетнаме 80 % населения составляли буддисты. Но, как оказалось, никого кроме Дьема найти не удалось. Оставляя ЦРУ за кулисами событий, журнал «Лук» писал: «Госу-

³¹⁷ АВП РФ, Ф.94, Оп.22, П.87, Д.3, Л.20-21.

³¹⁸ Karnow S. Vietnam: a History. N.Y.: Viking Penguin, 1991. P. 231.

³¹⁹ Ibidem. P. 233.